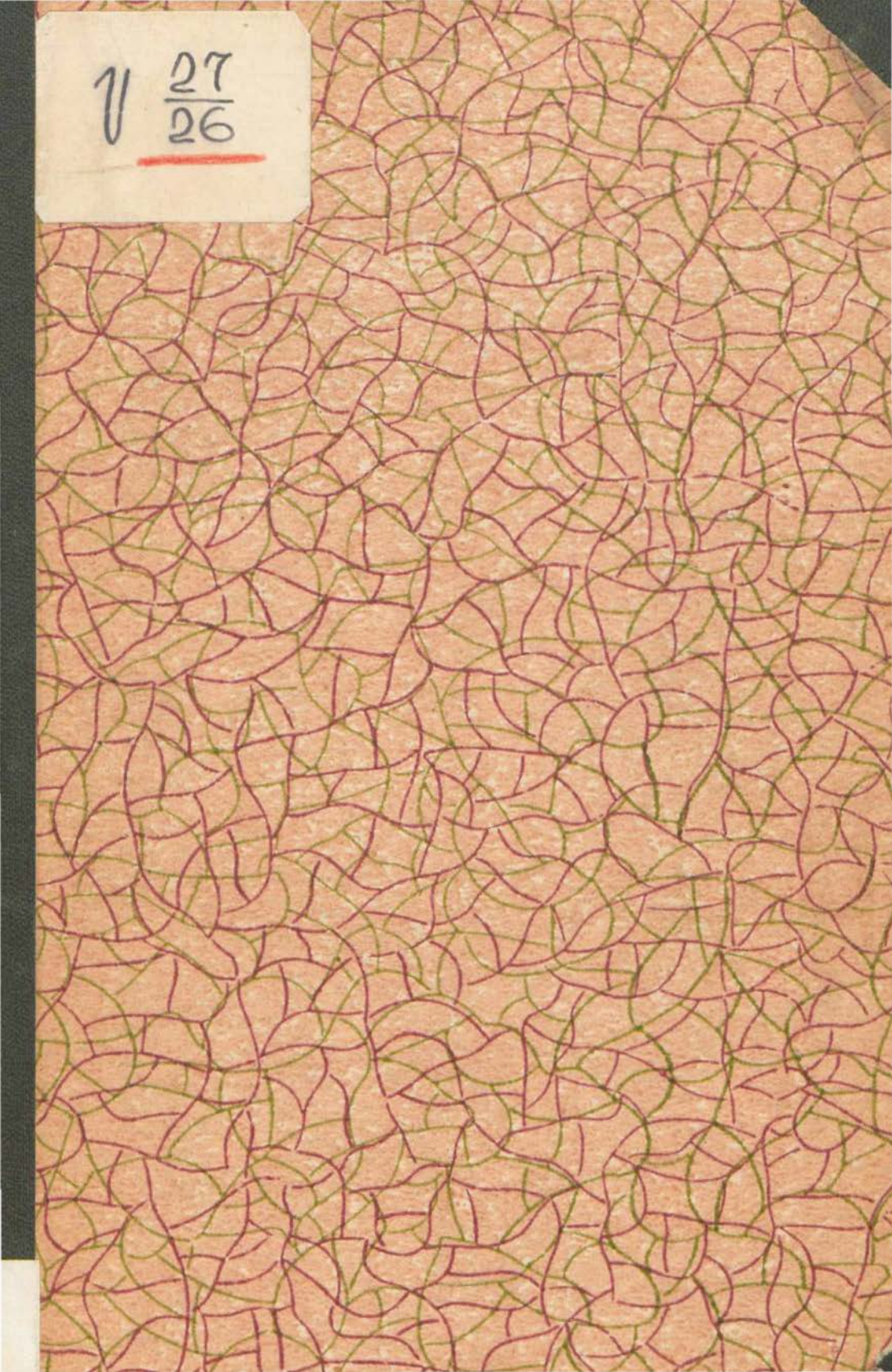

11 $\frac{27}{26}$

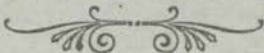

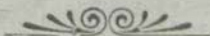

26

КЪ ВОПРОСУ
О ВЗАИМООТНОШЕНІЯХЪ СЕМЬИ И ШКОЛЫ
И О ДИСЦИПЛИНѢ.

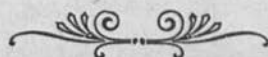
Инспекторъ гимназій
Николай Коджебашъ.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ
Типографія Кенигсберга и Фитермана
1912.

27
26

КЪ ВОПРОСУ
О ВЗАИМООТНОШЕНІЯХЪ СЕМЬИ И ШКОЛЫ
И О ДИСЦИПЛИНѢ.

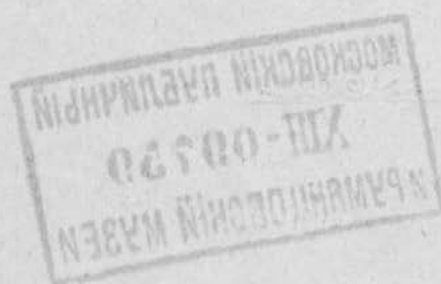

Инспекторъ гимназій
Николай Коджебашъ.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ
Типографія Кенигсберга и Фитермана

1912.

2011109034

Къ вопросу о взаимоотношеніяхъ семьи и школы и о дисциплинѣ.

Среди вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью во всѣ времена и особенно въ такъ называемыя „эпохи переходныя“, вопросъ педагогическій, какъ извѣстно, всегда и вездѣ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Это и понятно. „Правила воспитанія“, выражаясь словами 14 главы знаменитаго „Наказа“ Имп. Екатерины II, *суть первыя основанія, приуготовляющія насъ быть гражданами*“, или, какъ говоритъ тотъ-же „Наказъ“ въ другой главѣ *„приведеніе въ совершенство воспитанія есть самое надежное средство сдѣлать людей лучшими*“. Вотъ почему семья, которой прежде всего поручено дѣло воспитанія дѣтей, а затѣмъ и школа, у всѣхъ народовъ, даже мало культурныхъ, всегда были и впредь, разумѣется, будутъ главными очагами жизни и прогресса, тѣми ячейками, изъ которыхъ, въ теченіе дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ жизни человѣка, формируется новое поколѣніе людей, идущее на смѣну старому, отжившаго, образуются новые, свѣжіе члены общества и государства, вырастаетъ иная, лучшая жизненная сила—этотъ залогъ вѣчно прогрессирующаго движенія человѣчества по тернистому, но счастливому пути къ идеалу совершенства. Семья, въ особенности мать, начинаетъ дѣло воспитанія человѣка, грѣя и лелѣя его у священнаго ярко пылающаго очага любви, школа же продолжаетъ и дополняетъ это дѣло, помогая семьѣ возростить то нѣжное деревцо, которое въ будущемъ должно приносить плоды. Обѣ—и школа и семья—имѣютъ, очевидно, одно общее, весьма важное, насущное дѣло, одну цѣль, однѣ задачи. Какая огромная отвѣтственность передъ личной и общественной совѣстью

лежить на той и другой, извѣстно всякому, кто понимаетъ, что степень важности дѣла обусловливается и степень его отвѣтственности, степень его трудности. Педагогическое дѣло, несомнѣнно, одно изъ самыхъ отвѣтственныхъ и тяжелыхъ. Безъ раздѣленія труда въ такомъ дѣлѣ обойтись трудно. Одна семья, безъ школы, какъ бы интеллигентна она ни была, какими бы силами матеріальными и духовными она ни обладала, не въ состояніи дать своимъ питомцамъ того все-сторонняго развитія духа, которое необходимо для жизни: она прежде всего располагаетъ далеко не всеми учебно-воспитательными средствами и пособиями, она *de facto* не въ состояніи оріентироваться во всехъ учебныхъ и научныхъ дисциплинахъ, она въ большинствѣ случаевъ нуждается въ томъ опытѣ, который имѣетъ школа, какъ учрежденіе съ извѣстной системой и сокращающей опыты жизни теоріей. Въ свою очередь, одна школа, хотя бы и самая совершенная, безъ дружнаго содѣйствія и постоянной поддержки семьи, обрекла бы свое дѣло на гибель, оказалась бы безплодной, и ненужной: она лишена была бы живого источника той нѣжной родительской любви, той чарующей материнской ласки, которая особенно растворяетъ душу питомцевъ для усвоенія преподаваемаго имъ ученія; она, при всей своей любви къ дѣлу воспитанія, не могла бы замѣнить своимъ многочисленнымъ питомцамъ родителей, даже въ томъ случаѣ, если бы воздѣйствовала на нихъ въ теченіе не 5-6 часовъ, а цѣлыхъ сутокъ, какъ это мы видимъ въ закрытыхъ заведеніяхъ и пансіонахъ; она не справилась бы съ непосильнымъ трудомъ, взявши на себя двойную роль и осложнивши свои и безъ того трудныя задачи. Только дружное единеніе семьи и школы, тѣсное между ними взаимообщеніе на началахъ довѣрія, любви и уваженія можетъ гарантировать успѣхъ столь важнаго, отвѣтственнаго и труднаго дѣла, какъ дѣло воспитанія подрастающаго поколѣнія, дѣло педагогическое, которому служатъ родители, воспитатели и школьные учителя,

и въ которомъ заинтересованы не однѣ семьи и разныя учрежденія, но и цѣлый народъ.

Откуда же, спрашивается, недоразумѣнія между семьей и школой, недоразумѣнія, квалифицированныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ и прессой и общественнымъ мнѣніемъ и самимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, которое сдѣлало даже по округамъ запросъ относительно мѣръ болѣе тѣснаго взаимообщенія семьи и школы? Откуда эта, скажемъ открыто, рознь, между двумя зависящими другъ отъ друга и заинтересованными въ одномъ и томъ же дѣлѣ сторонами, рознь, которая, разумѣется, нежелательна и даже опасна прежде всего для питомцевъ, а затѣмъ, вообще, для дѣла?? Въ силу извѣстныхъ психологическихъ причинъ почти никто изъ насъ не рѣшится открыто бросить камень порицанія въ семью и прямо сказать, что въ недоразумѣніяхъ и педагогической розни виновата она. Упаси, Боже! Семья—дорогая, завѣтная для насъ святыня, которую мы должны чтить и оберегать отъ нападокъ и осужденій. Не станемъ осуждать ее, разумѣется, и мы; но такъ какъ нѣкоторая, къ счастью, меньшая часть родителей, не довольна современной школой и осуждаетъ ее, то мы беремъ на себя смѣлость выступить здѣсь на защиту школы, той злосчастной школы, по адресу которой слышатся упреки и нареканія со всѣхъ сторонъ—не только со стороны семьи, общества и печати, но и со стороны самихъ педагоговъ; смѣлость наша окрыляется сознаниемъ того, что если школа въ чемъ-либо дѣйствительно виновата, то вину эту должны раздѣлить съ нею и родители, и общество, и тѣ педагогическія воззрѣнія, которыя отвѣчаютъ культурному состоянію жизни въ данное время.

Итакъ, если между семьей и школой существуетъ разладъ, если педагогическое дѣло отъ этого разлада страдаетъ, и наше молодое поколѣніе, особенно въ послѣднее время какъ бы измѣняетъ себѣ, старится, и готово даже идти по пути вырожденія, то во всемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, ока-

зывается виновной почему-то именно школа. Последняя зовется къ отвѣту за вольные и невольные промахи въ дѣлѣ воспитанія, а между тѣмъ въ этихъ промахахъ причастна далеко не она одна; напротивъ, грѣхи иныхъ членовъ семьи, грѣхи извѣстной части общества сваливаются на школу, и она, какъ искупительная жертва, должна отвѣчать за всѣхъ. Справедливо ли это? Въдь если семья, въ принципѣ, разумѣется, гарантирована даже отъ заслуженныхъ упрековъ, то почему же не имѣть этой гарантіи школа? Развѣ, говоря принципиально, школа не занята тѣмъ же святымъ дѣломъ, что и семья? Развѣ она не такая же святыня, какъ и послѣдняя и не должна быть ограждаема отъ упрековъ, нареканій и осужденій, особенно со стороны тѣхъ, кто добровольно ввѣрилъ ей свою надежду, своихъ милыхъ дѣтей?... Правда, отдѣльные воспитатели, учителя и представители школы не всегда бываютъ на высотѣ своего призванія и подаютъ временами лишній поводъ къ осужденіямъ, но развѣ и съ отдѣльными представителями семьи не бываетъ того же? Развѣ отъ этого должно теряться уваженіе и довѣріе къ школѣ и ея воспитателямъ? Конечно, нѣтъ. Скажемъ болѣе: при всѣхъ своихъ несовершенствахъ школа во всѣ времена и вездѣ чтилась наряду съ семьей и даже ставилась иногда выше ея. Извѣстно, напримѣръ, что *турки* и *китайцы* почитаютъ своихъ учителей и школьныхъ воспитателей больше, чѣмъ своихъ отцовъ и матерей. Спросите турка, почему онъ относится съ такою любовью, съ такимъ уваженіемъ и даже священнымъ благоговѣніемъ къ учителю, и онъ отвѣтитъ Вамъ: *„отецъ и мать низвели мою душу съ неба на землю, а мой учитель возвелъ ее съ земли на небеса“*... Какія крылатые, золотые слова!! Такія же слова заключаетъ въ себѣ и замѣчаніе германскаго Императора *Вильгельма II*, который, подражая Александру Македонскому, сказалъ однажды окружающимъ: *„если бы я не былъ императоромъ, я хотѣлъ бы быть учителемъ“*. Очевидно, что наша школа осуждается по какому то

роковому недоразумѣнію, и хотя это осужденіе ведетъ къ страшному, непростительному для осуждающихъ соблазну воспитываемыхъ въ ней дѣтей и юношей, но она сумѣетъ, надѣмся, сохранить свои пререкаемые нынѣ устои и показать, что осуждали и осуждаютъ ее въ большинствѣ случаевъ несправедливо. Для поясненія сказаннаго нами укажемъ на нѣкоторые болѣе характерные упреки, которые слышатся по адресу школы.

Современная школа, говорятъ нѣкоторые, отжившее, мертвое учрежденіе, не отвѣчающее насущнымъ требованіямъ и запросамъ жизни: она отстала въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ, приѣмахъ и программахъ и идетъ позади общества и семьи, а потому къ ней нельзя питать любви и довѣрія; мало этого, она портитъ дѣтей, и послѣднія необходимо нуждаются въ непосредственной защитѣ общества и особенно т. н. *родительскихъ комитетовъ*. Дѣйствительно ли родительскіе комитеты служатъ защитой дѣтей, или же они достигаютъ обратныхъ результатовъ, мы не станемъ судить, но скажемъ, что приведенный по адресу школы упрекъ весьма несправедливъ. И въ самомъ дѣлѣ. Если бы было доказано, что семья и общество оставили позади себя школу, если бы окружающая жизнь дѣйствительно выработала новые, болѣе совершенные взгляды и воззрѣнія на дѣло воспитанія и искренно пришла на помощь школѣ, послѣдняя, постоянно нуждаясь въ дружномъ содѣйствіи родителей, направленномъ ко благу питомцевъ, рѣшительно ничего бы не имѣла противъ вмѣшательства въ ея дѣло и какого бы то ни было контроля со стороны родительскихъ комитетовъ, общества и вообще заинтересованныхъ въ педагогическомъ вопросѣ лицъ; напротивъ, она охотно пошла бы навстрѣчу всѣмъ справедливымъ указаніямъ на ея недостатки и постаралась бы скоро заслужить довѣріе, уваженіе и любовь. Но вся бѣда въ томъ, что не было и нѣтъ ничего такого, что говорило бы о превосходствѣ общества и семьи надъ школой въ смыслѣ луч-

шаго пониманія идей воспитанія и обученія и большаго проникновенія духомъ истиннаго прогресса. Пусть называютъ педагоговъ людьми косными, невѣжественными, футлярными, пусть называютъ ихъ существами иной, низшей породы (вѣдь называли ихъ и такъ)—не всякое слово свидѣтельствуетъ о фактѣ, и школа ничуть не виновата въ томъ, что встрѣчаются, къ счастью, въ меньшинствѣ, такіе члены семьи и общества, такіе даже отцы и матери, которые, изъ личныхъ, часто эгоистическихъ видовъ, не столько помогаютъ школѣ, сколько тайно и явно враждуютъ съ нею, не столько содѣйствуютъ развитію и усовершенствованію педагогическихъ возрѣній и приемовъ, сколько тормозятъ дѣло системой недо-вѣрія, жалобъ, вмѣшательства, даже насмѣшки и униженія. Что отъ этого страдаютъ главнымъ образомъ воспитываемыя въ школѣ дѣти—ясно само собой. Дѣти, прислушиваясь къ осужденіямъ по адресу школы, прежде всего, начинаютъ терять уваженіе и любовь къ своимъ учителямъ и воспитателямъ, которыхъ столь часто осуждаютъ, осмѣиваютъ и унижаютъ на ихъ глазахъ, а затѣмъ, разумѣется, постепенно, все болѣе и болѣе, падаетъ и авторитетъ школы, безъ котораго, какъ извѣстно, дѣло воспитанія стоять не можетъ. Что авторитетъ школьнаго учителя имѣетъ важное воспитательное значеніе, доказываетъ слѣдующій историческій фактъ изъ жизни нѣмецкой школы. *Фридрихъ Великій* зашелъ однажды въ школу; учитель долженъ былъ, разумѣется, почтительно поклониться королю и затѣмъ продолжать свой урокъ, но онъ этого не сдѣлалъ и только лишь едва кивнулъ головой; по окончаніи урока онъ сказалъ своему государю: „*Ваше Величество, извините мою грубость, но если бы ребяташки узнали, что есть кто-нибудь надо мною старшій, то съ ними не было бы никакого сладу*“. Приведенныя слова ясно говорятъ о томъ, что упадокъ авторитета школы и ея представителей влечетъ за собою упадокъ дѣисциплины, распущенность воспитанниковъ, вредное направленіе ихъ мысли и

воли и даже крахъ педагогическаго дѣла, какъ заявлено было объ этомъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 28 іюня 1903 г. И въ самомъ дѣлѣ. Давно ли мы были свидѣтелями грубыхъ, дерзкихъ и даже преступныхъ выходокъ воспитанниковъ въ стѣнахъ и внѣ стѣнъ школы? Давно ли мы читали о прискорбныхъ фактахъ оскорбленія воспитанниками своихъ учителей и даже участіе тѣхъ же воспитанниковъ, нерѣдко подростковъ, въ тяжкихъ преступленіяхъ? Вотъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, случайно пришедшіе намъ на память. Ученикъ 8 класса 1-й *Московской* гимназіи судился 4 августа 1906 года въ 7 отдѣленіи Московскаго Окружнаго Суда за разбойническое нападеніе вмѣстѣ съ другими на бакалейную лавку. Ученикъ 3 класса гимназіи былъ судимъ въ 1907 году за оскорбленіе дѣйствіемъ своего учителя ариеметики и на приговоръ Окружнаго Суда имъ была подана апелляціонная жалоба въ Уголовный Департаментъ *Одесской* Судебной Палаты. Въ *Рижскомъ* военномъ судѣ лѣтомъ 1905 года слушалось дѣло 13 ти лѣтнаго сына военнаго врача, совершившаго убійство инспектора Митавскаго Реальнаго Училища Петрова: убійца сознался и оговорилъ 12 своихъ товарищей. Директора Тифлискаго ремесленнаго училища 4 іюня 1907 года убили выстрѣломъ изъ револьвера двое учениковъ училища, которыхъ покойный директоръ не взялъ въ предстоящую экскурсію въ Москву и Петербургъ. Директоръ Тульской гимназіи *Радецкій* былъ убитъ своими же учениками; по поводу такого прискорбнаго факта, благо-разумный родительскій комитетъ при названной гимназіи напечаталъ слѣдующее: „Родительскій Комитетъ, не представляя себѣ даже возможности существованія такихъ мотивовъ, которые оправдывали бы убійство вообще и будучи въ частности глубоко возмущенъ фактами жестокаго насилія самосуда надъ личностью директора *Радецкаго*, полагаетъ, что вся учащаяся молодежь отнесется отрицательно къ безсердечному факту убійства и осудитъ въ души влѣсть съ нами

виновниковъ этого гнуснаго преступленія“. Мы ни на минуту не сомнѣваемся въ томъ, что не одинъ только Тульскій родительскій комитетъ, но и остальные родители и дѣти ихъ и все общество глубоко возмущены фактами, подобными тѣмъ, на которые мы случайно указали. Не станемъ приводить всѣхъ фактовъ, доказывающихъ справедливость указаннаго выше заявленія: они слишкомъ оскорбительны для слуха и чувства, но спросимъ себя и другихъ, всѣ ли домашніе воспитатели признають, что они то сами иногда являются, въ извѣстной мѣрѣ, виновниками предосудительнаго поведенія своихъ питомцевъ,—нельзя же въ самомъ дѣлѣ ронять въ присутствіи дѣтей авторитетъ той школы, куда посылаются эти дѣти воспитываться и учиться уму-разуму, какъ нельзя ронять авторитетъ того врача, у котораго больной лѣчится! Нельзя осмѣивать и унижать тѣхъ, кому сами родители вѣрили своихъ питомцевъ! Нельзя не довѣрять школьнымъ законамъ, уставамъ и порядкамъ, разъ они рассчитаны на воспитаніе ума и сердца дѣтей! Вѣдь гдѣ цаль авторитетъ школы и учителя, тамъ дѣло воспитанія погибло, тамъ дѣти будутъ учить старшихъ, а не наоборотъ. Очевидно, что семья должна дѣйствовать въ отношеніи къ школѣ не въ духѣ розни, недовѣрія и насмѣшки, а въ духѣ мира, любви и уваженія; она должна помогать ей вести свое тяжелое и ответственное дѣло правильно и, въ случаѣ неизбежнаго обнаруженія какихъ-либо ошибокъ, содѣйствовать успѣшному ихъ исправленію, не посягая на самые устои школы. Школа, конечно, не безъ недостатковъ и нуждается въ коренныхъ преобразованіяхъ, но слѣдуетъ быть справедливымъ и не сваливать все зло на школу, не называть ее, какъ это было нѣкогда въ печати „ложью“, а педагоговъ „служителями лжи“—если такіе служители, къ сожалѣнію, и встрѣчаются въ школѣ, то послѣдняя всегда старалась и старается отъ нихъ избавиться. Пусть же въ этомъ помогутъ ей родители и общество!

Несправедливо и жестоко упрекаютъ школу и въ томъ, что она, обучая и воспитывая чужихъ дѣтей, не любитъ и не знаетъ ихъ такъ, какъ любитъ и знаетъ своихъ. дѣтей отецъ или мать; обидѣть ребенка, говорятъ нѣкоторые, терзать его суровымъ взглядомъ, всякаго рода требованіями, отмѣтками, экзаменами и т. д.—школѣ ничего не стоитъ, ибо она воспитываетъ и учитъ не изъ любви къ дѣтямъ и дѣлу воспитанія, а по тяжелой необходимости; педагоги, де, смотрятъ на свои обязанности холодно, формально; живой души у нихъ нѣтъ—она убита пустой формой. Не имѣя сознанія важности возложеннаго на нихъ долга и исполняя свое дѣло неохотно, они обнаруживаютъ недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу, раздраженіе, жестокость и т. д., не говоря уже о томъ, что школа, якобы, вообще, болѣе обучаетъ всевозможнымъ, иногда вовсе ненужнымъ наукамъ, нежели воспитываетъ... Да, мы сами замѣтили выше, что въ столь важномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе дѣтей, школа не безъ недостатковъ, но сколько несправедливости въ указанномъ упрекѣ!! Пусть каждый добросовѣстный отецъ или добросовѣстная мать чистосердечно скажетъ, легко ли воспитывать своихъ собственныхъ, родныхъ дѣтей, и воспитываютъ ли ихъ всѣ родители такъ, какъ нужно? Нѣтъ ли у нихъ при воспитаніи дѣтей раздраженія, опущеній, жестокости, недобросовѣстности?... Конечно нѣтъ, потому что трудно, невыразимо трудно воспитывать и роды дѣтей—и мы всѣ—и родители и педагоги далеки отъ идеала... Если отцы и матери нерѣдко жалуются на собственное безсиліе вести правильное воспитаніе своихъ дѣтей, то что сказать о школьныхъ воспитателяхъ? Мы никакъ не дерзнемъ сказать, что они—холодные наемники, служащіе только своимъ узко-эгоистическимъ интересамъ. Педагоги—такіе же служители долга, отвѣтственные передъ Богомъ и совѣстью, какъ и родители и разные общественные и государственные дѣятели. Если они и не любятъ воспитываемыхъ ими дѣтей такъ, какъ любятъ ихъ родители

или родственники, то, быть можетъ, любовь ихъ болѣе сдержанна, не столь пристрастна... Школа имѣетъ дѣло не съ однимъ-двумя питомцами, а съ цѣлой массой ихъ—нужно всѣмъ одинаково удѣлить изъ неизсякаемаго, благодатнаго источника любви—сердца; если отъ такого равномернаго распределенія святого чувства любви и вызывается иногда недовольство отдѣльных родителей, особенно матерей, то не слѣдуетъ забывать, что школа—учрежденіе общественное, гдѣ частные, эгоистическіе интересы нивелируются, и гдѣ даже избалованный непомѣрной любовью отца или матери мальчикъ можетъ приобрести альтруистическое, товарищеское чувство и стать впослѣдствіи хорошимъ, любящимъ ближняго человѣкомъ; въ такомъ учрежденіи необходимо поступаться исключительностью своего характера, своимъ эгоизмомъ, безъ риска потерять свои природныя, индивидуальныя черты. Пусть не будетъ обидно родителямъ даже тогда, когда школа въ крайнихъ случаяхъ вынуждена бываетъ удалить того или иного мальчика, если послѣдній дурно вліяетъ на массу. Избави Богъ отъ такихъ печальныхъ случаевъ, но, не скроемъ, такіе случаи бываютъ, потому что всѣ мы, очевидно, далеки отъ идеала, хотя и стараемся слѣдовать ему. Спрашивается теперь, каковъ же нашъ идеалъ? Не обинуясь скажемъ, что идеалъ нашъ—Тотъ Учитель, при одной мысли о Которомъ никто не дерзнетъ и думать о любви учителемъ; если же и называетъ, если и беретъ на себя ответственное бремя учительства, то безъ стремленія, хотя бы въ слабой мѣрѣ подражать дѣятельности Безпримѣрнаго Учителя, онъ не долженъ и приступать къ дѣлу. Вѣдь что значитъ *учить*? Значитъ ли это сообщать ученикамъ извѣстную сумму знаній, развивать ихъ умственныя силы—и только? Нѣтъ. Учить—значитъ развивать всѣ сферы человѣческаго духа, духовно воздѣйствовать на ученика, созидать въ немъ истиннаго человѣка, отвѣчающаго своему высшему назначенію. Учить—значитъ именно созидать, творить въ весьма интересной, но

трудно наблюдаемой области духа. Живая душа ребенка— истинного человека въ будущемъ— не мыслима безъ учителя, воспитателя, отражающаго въ своей дѣятельности черты указаннаго нами Идеала. Многіе изъ тѣхъ, кто осуждаетъ современную школу и ея учителей, указываютъ на иные идеалы, на иныхъ учителей, потому что, по ихъ мнѣнію, успѣхи цивилизаціи оставили далеко позади старые идеалы и христіанство, признающее единственнаго Учителя человечества—Христа, а также тѣ, кто слѣдуетъ этому Высочайшему Идеалу, должны уступить свое мѣсто, свое руководство одной лишь наукѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Какое раздвоеніе, какой разладъ вносится въ душу тѣхъ воспитанниковъ, которые не знаютъ, кого слушаться—школьныхъ ли учителей, или же тѣхъ, кто со школой ничего общаго не имѣетъ!!... Крушеніе идеаловъ въ жизни современнаго молодого поколѣнія обязано этому именно раздвоенію. И такъ, виновата ли школа въ томъ, что она не признаетъ въ своемъ дѣлѣ иныхъ идеаловъ, кромѣ своего, и, неся многосложный, тяжелый и отвѣтственный трудъ, угодить всѣмъ не въ состояніи, хотя и исполняетъ свой долгъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ!...

Мы не можемъ ограничиться указанными упреками по адресу средней школы и должны указать и на тотъ упрекъ, который возникъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по поводу восстановленныхъ Министерствомъ экзаменовъ. Извѣстно, что въ послѣдніе годы цѣлый рядъ печальныхъ событій отвлекли отъ серьезной, продуктивной работы не только нѣкоторыя общественныя и даже государственныя силы, но и силы учащейся молодежи высшей, средней и даже низшей школы. Питомцы, обязанность которыхъ воспитываться и учиться, дабы подготовить изъ себя въ будущемъ полезныхъ членовъ семьи, общества и государства, стали думать не о томъ, зачѣмъ ихъ послали въ школу родители и воспитатели, не о наукѣ—а о дѣятельности общественной и даже о политикѣ. Эти преждевременныя, напрасныя думы создали мало по

малу отвычку отъ прамого, серьезнаго труда, даже. къ при-
скорбію, „культъ ничегонедѣланія“, „культъ праздности“. Вѣдь
легче, не отдавая никому отчета ни въ чемъ „судить и раз-
суждать“ „Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать“, чѣмъ зани-
маться дѣломъ, потому что „Иному до чего нѣтъ дѣла“,
„О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего, „Что будетъ съ Ин-
дией, какъ и отчего“, „Такъ ясно для него“; А поглядишь—
у самого“, „Деревня между глазъ сгорѣла“ („3 Мужика“—Кры-
лова). И деревня дѣйствительно сгорѣла: познанія учениковъ
средней школы по всѣмъ предметамъ понизились было до
минимума. Еще мысль о предстоящемъ въ концѣ года отчетѣ
могла бы удержать эти познанія на належащемъ уровнѣ;
но переходъ въ слѣдующіе классы производился не по экза-
мену, а только лишь по годовичнымъ отмѣткамъ. Необходимо
было поэтому ввести снова экзамены не съ цѣлью „обмануть
поверхностное сужденіе, выставивъ на показъ успѣхи, кото-
рыхъ ученики не достигли¹⁾“, тѣмъ болѣе не съ цѣлью терзать
ни съ того, ни съ сего врученныхъ школѣ дѣтей, а съ един-
ственной цѣлью—поднять значительно пониженный уровень
познаній учениковъ и вновь вызвать потерянную привычку
къ труду, Экзамены, вновь введенные, слава Богу, лѣтъ
5-6 тому назадъ, показали, насколько они полезны въ шко-
лѣ. Да и станеть ли кто серьезно спорить противъ той не-
оспоримой истины, что подводимый къ концу году синтезъ
всего пройденнаго укрѣпляетъ познанія, а мысль о предсто-
ящемъ отчетѣ въ концѣ года заставляетъ серьезно работать
въ году. Между тѣмъ нѣкоторые изъ домашнихъ воспитате-
лей, правда, весьма незначительная ихъ часть, находясь въ
постоянномъ антагонизмѣ съ школой, съ рвеніемъ, достойнымъ
лучшей участи, ополчились было противъ экзаменовъ, дока-
зывая, что они не только бесполезны, но и вредны, потому
что ведутъ къ нервному истощенію питомцевъ. Странное, невѣ-
роятное дѣло! Ученики, проводшіе долгое время въ праздности,

¹⁾ См. статью объ экзаменахъ въ журналѣ „Volkshule“ за 1867 г.

бодро готовятся къ экзаменамъ и въ добромъ здоровіи выдерживаютъ ихъ, а домашніе воспитатели выражаютъ протестъ и лишній разъ дискредитируютъ въ глазахъ общества и питомцевъ своихъ ни въ чемъ неповинную школу. Хорошо ли это? Нѣтъ, дурно—и дурно прежде всего для самихъ же дѣтей!

Такъ несправедливо осуждается школа и такъ, къ сожалѣнію, страдаетъ педагогическое дѣло. Мы, разумѣется, привели далеко не все, что говорятъ въ семьѣ и обществѣ о школѣ и ея представителяхъ, но и приведеннаго достаточно, чтобы пожалѣть о горькомъ фактѣ недоразумѣнія, существующаго между семьей и школой, между воспитателями домашними и воспитателями школьными. Какъ же, спрашивается, помочь горю? Какъ примирить родителей и педагоговъ и тѣсно сблизить ихъ для совмѣстной работы въ будущемъ? Трудно, конечно, рѣшить предложенный вопросъ, да рѣшеніе его и не входитъ въ нашу задачу; но мы считаемъ долгомъ, съ своей стороны, сказать здѣсь, что по нашему крайнему разумѣнію, школа и семья придутъ къ взаимному соглашенію только лишь тогда, когда каждая изъ нихъ, помня свой долгъ, признаетъ за собою въ дѣлѣ воспитанія свои недостатки, свою вину... Вѣдь кому не свойственно ошибаться? Во всякой дѣятельности человѣка неизбѣжны промахи и ошибки, тѣмъ болѣе неизбѣжны они въ такомъ дѣлѣ, какъ воспитаніе и обученіе, а потому не гарантирована отъ нихъ ни семья, ни школа. Семья, даже самая интеллигентная, знающая съ педагогической наукой, имѣющая знанія и опытъ и та, какъ мы сказали выше, не можетъ похвалиться правильнымъ ходомъ воспитанія своихъ дѣтей. Точно также и школа, какъ бы ни отвѣчала она потребностямъ современной жизни, какими бы совершенными приѣмами ни пользовалась она въ своемъ дѣлѣ и сколько бы ни превосходила семью своими теоретическими познаніями въ наукѣ педагогической—всегда неизбѣжно, по закону несовершенства человеческой

натуры, допускаетъ подчасъ крупныя промахи и ошибки. Нужно поэтому обѣимъ—и семьѣ и школѣ—смириться въ сознаніи своихъ недостатковъ, своихъ ошибокъ, своей вины и, отбросивъ всякіе упреки и недоразумѣнія, съ взаимной любовью и довѣріемъ сойтись для совмѣстной, дружной работы на пользу дѣтей. Эта работа прежде всего поставитъ на очередь одинъ изъ кардинальнѣйшихъ вопросовъ воспитанія и обученія—вопросъ о домашней и школьной дисциплинѣ.

Что нужно разумѣть подъ дисциплиной—всякій знаетъ. Уже самый корень этого слова, входящій въ составъ латинскаго слова *discipulus*—по русски *ученикъ*, указываетъ на тѣсную связь ученія, воспитанія съ дисциплиной, т. е. съ порядкомъ, съ повиновеніемъ извѣстнымъ правиламъ и законамъ—и прежде всего правиламъ нравственнаго долга, а затѣмъ правиламъ, служащимъ выраженіемъ этого долга; такъ какъ далѣе родители и воспитатели являются блюстителями тѣхъ или иныхъ требованій и правилъ, того или иного порядка, сопутствующаго дѣлу воспитанія, то и повиновеніе имъ входитъ въ понятіе дисциплины. Не думаемъ, чтобы кто-нибудь сомнѣвался въ необходимости порядка, системы, правилъ и т. д. въ дѣлѣ воспитанія—мы сошлемся въ данномъ случаѣ на извѣстныя слова Пушкина: „*Съ порядкомъ друженъ умъ*“; эти слова указываютъ на то, что безъ дисциплины обойтись нельзя, что во всякой дѣятельности человѣка порядокъ необходимъ, что этотъ порядокъ является выраженіемъ обще-мірового порядка. Къ сожалѣнію, не такъ давно мы встрѣчались съ прискорбнымъ фактомъ упадка дисциплины во всѣхъ сферахъ жизни общественной, а этотъ упадокъ, какъ мы замѣтили выше, повлекъ за собою упадокъ дисциплины сначала въ семьѣ, а затѣмъ и въ школѣ. Растравлять раны современнаго воспитанія съ точки зрѣнія указаннаго упадка дисциплины мы не станемъ—будетъ обидно и для семьи и для школы. Но мы скажемъ вкратцѣ, какъ должна смотрѣть на дисциплину и та и другая. Въ семьѣ

дисциплина должна сводиться къ послушанію и повиновенію волѣ родителей и тѣхъ, кто ихъ замѣняетъ. Иныхъ правовыхъ отношеній между родителями и дѣтьми быть не должно. Если воспитаніе идетъ правильно, дѣти повинуются родителямъ и старшимъ не изъ страха наказанія за ослушаніе, а потому, что любятъ ихъ, уважаютъ и вѣрятъ имъ. Только такое повиновеніе позволяетъ душевнымъ силамъ дѣтей развиваться свободно и успѣшно—въ противномъ же случаѣ, т. е. при страхѣ наказанія, при слѣпомъ, безотчетномъ, холодномъ повиновеніи, парализующемъ волю и чувство чело-вѣка, принижается достоинство послѣдняго, и не дается надлежащій просторъ для свободнаго развитія его душевныхъ силъ. Вселить къ себѣ любовь, уваженіе и довѣріе—дѣло нетрудное, но только лишь въ томъ случаѣ, если въ семьѣ будутъ правильно смотрѣть на природу воспитываемыхъ дѣтей. У послѣднихъ рано развивается критическій взглядъ на право другихъ распоряжаться ими, а потому не слѣдуетъ родителямъ или вообще старшимъ злоупотреблять своею властью, своимъ правомъ надъ дѣтьми. Надо помнить, что ребенокъ, подобно взрослымъ, имѣетъ не только свои обязанности, но и свои права, напримѣръ—право на любовь со стороны окружающихъ, на вниманіе къ своимъ природнымъ наклонностямъ и влеченіямъ, на нѣкоторую свободу дѣйствій и т. д. Превышать свою власть, насиловать природу дитяти, требовать повиновеніе себѣ не за совѣсть, а за страхъ—непростительно хотя бы и сильно любящимъ родителямъ. Чтобы не было этого превышенія власти, надо знать, за какіе поступки слѣдуетъ наказывать ребенка и за какіе—нѣтъ. Есть поступки крайне нехорошіе, злые, нетерпимые,—таковы, напримѣръ: обманъ, воровство, грубое и жестокое обращеніе съ другими, месть, нанесеніе побоевъ въ дракѣ, злость, ложь и клевета; за эти поступки, по закону естественной необходимости (вѣдь природа наказываетъ за нарушеніе ея законовъ), непременно слѣдуетъ наказывать, потому что они

приносятъ вредъ другимъ; но наказаніе въ данномъ случаѣ не должно носить со стороны родителей и воспитателей характеръ злости, мести, а только лишь характеръ должнаго, справедливаго возмездія. Дѣти должны знать, что ихъ наказываютъ не по капризу воли воспитателей, а по ихъ собственной винѣ—слѣдовательно на законномъ основаніи. Такъ постепенно приучается ребенокъ повиноваться за совѣсть, по виноваться долгу, идеѣ законности. И когда съ теченіемъ времени родительская власть уступить мѣсто власти общественной, власти законовъ гражданскихъ, взрослые дѣти будутъ повиноваться и этимъ послѣднимъ такъ же, какъ они повиновались родителямъ—представителямъ и блюстителямъ законовъ и правилъ въ семьѣ; любя и уважая родителей за то, что они требуютъ повиновенія не своему „я“, не своей волѣ, власти или капризу, а закону, долгу, дѣти впослѣдствіи будутъ любить и уважать и представителей законовъ общественныхъ и государственныхъ, вѣдь хорошій членъ семьи не можетъ не быть хорошимъ членомъ общества и полезнымъ гражданиномъ своей родины.

Есть далѣе привычки и поступки, которые не свидѣтельствуютъ о злой волѣ ребенка и не рассчитаны на то, чтобы вредить другимъ, хотя окружающимъ они и непріятны; сюда относятся: лѣнность, невнимательность, невѣжливость, неряшливость и т. п. Такіе поступки, въ которыхъ дѣти обыкновенно не признаютъ себя виновными, не смотря на постоянныя убѣжденія, должны быть караемы не иначе, какъ по принципу: „*similia similibus curantur*“, т. е. „*клинь клиномъ вышибать*“: лѣниваго нужно карать лишеніемъ того, что онъ могъ бы имѣть; за невнимательность слѣдуетъ платить невнимательностью, холоднымъ и даже презрительнымъ обращеніемъ; невѣжливаго не слѣдуетъ брать въ гости и принимать въ общеніе съ другими; неопрятнаго, неряшливаго слѣдуетъ заставить временно щеголять въ томъ, чего не сумѣлъ сберечь въ чистотѣ. Въ случаѣ проявленія подобныхъ привычекъ, задача родителей

заключается въ томъ, чтобы дать возможность дѣтямъ самимъ почувствовать, какъ непріятно имѣть скверныя привычки. Если же кто караетъ за указанные поступки инымъ способомъ, тотъ вселяетъ въ ребенка страхъ, недовѣріе, ненависть, тотъ озлобляетъ его и, разумѣется, портитъ. Есть, наконецъ, привычки и поступки, которые вредны для самихъ дѣтей, особенно, если они переходятъ въ страсть. Это, на примѣръ, столь обычное въ наше время куреніе табаку даже на улицахъ; употребленіе временами спиртныхъ напитковъ, позднее возвращеніе домой послѣ вечеровъ и прогулокъ, склонность къ писанію и чтенію произведеній двухсмысленнаго содержанія и т. п. Указанныя привычки не всегда обязаны 'злой волей ребенка и являются нерѣдко результатомъ наслѣдственной болѣзненности фізіологическихъ и душевныхъ функцій; но онѣ то и требуютъ самаго неукоснительнаго вниманія и надзора со стороны родителей и воспитателей; ихъ то и слѣдуетъ всячески лѣчить и искоренять. Если бы всѣ мы, въ особенности матери, старательнѣе слѣдили за своими дѣтьми какъ дома, такъ и внѣ его, не было бы тѣхъ пагубныхъ страстей и тѣхъ неразрывно связанныхъ съ ними некрасивыхъ, злыхъ поступковъ, съ какими встрѣчаемся мы, къ прискорбію, въ наше, чреватое событіями, время. Въ правѣ ли, спросимъ мы, и школа, заодно съ родителями, слѣдить за тѣмъ, какъ ведутъ себя питомцы внѣ школьныхъ стѣнъ—на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ? Мы предлагаемъ этотъ вопросъ потому, что нѣкоторые оспариваютъ это право и думаютъ, будто роль школы не должна простирается дальше классовъ, коридора, рекреаціоннаго зала и двора. Что же касается насъ, то мы того мнѣнія, что разъ семья и школа имѣютъ одни общіе интересы воспитанія, то послѣдняя не только въ правѣ, но и обязана слѣдить за внѣшкольнымъ поведеніемъ дѣтей и юношей и въ извѣстныхъ случаяхъ предупредить возможность нарушенія дисциплины со стороны тѣхъ, кто не стыдится конфузить себя тогда, когда за нимъ

не смотрятъ старшіе. Но, слѣдя за питомцами внѣ семьи и школы, пусть родители и воспитатели помнятъ, что дисциплина, которую они оберегаютъ, не должна быть исключительной цѣлью ихъ надзора, заботъ и волненій, что эта дисциплина есть лишь средство къ воспитанію дѣтей, а не цѣль воспитанія, ибо извѣстна истина, что не для дисциплины совершается дѣло воспитанія, что не дѣти существуютъ для дисциплины, а дисциплина для дѣтей. Дисциплина внѣ воспитанія, дисциплина сама по себѣ не можетъ и не должна имѣть мѣста тамъ, гдѣ объектомъ надзора являются живые питомцы. Родители и воспитатели должны думать о живомъ дѣлѣ воспитанія, о живыхъ дѣтяхъ, о живыхъ людяхъ, а не о мертвой дисциплинѣ, о внѣшнемъ только благочиніи, тишинѣ и порядкѣ. Внѣшность, хотя бы и благовидная, безъ соотвѣтствующаго содержанія, цѣны не имѣетъ. Есть питомцы съ точки зрѣнія внѣшней дисциплины почти безукоризненные, на самомъ же дѣлѣ нравственно недисциплинированные, распущенные и крайне несимпатичные. Заурядное пониманіе дисциплины, въ смыслѣ соблюденія одного только внѣшняго приличія и порядка, ничего бы не имѣло противъ поведенія такихъ, скажемъ мы, лицемерныхъ питомцевъ, а настоящая, правильно понимаемая дисциплина послѣднихъ осуждаетъ и караетъ. Думается намъ, что нерасположеніе къ школѣ со стороны нѣкоторыхъ родителей объясняется въ большинствѣ случаевъ именно тѣмъ прискорбнымъ фактомъ, что они никакъ не могутъ отрѣшиться отъ предубѣжденія, будто школьные воспитатели знаютъ одну лишь внѣшнюю, заурядную дисциплину и ей, какъ Молоху, приносятъ въ жертву несчастныхъ дѣтей. Но отрѣшиться отъ подобнаго предубѣжденія давно уже пора. Вѣдь если въ дѣлѣ школьнаго воспитанія и бываютъ промахи и ошибки, то они не настолько велики, чтобы подчеркивать отсталость школы въ вопросѣ объ истинной, правильно поставленной дисциплинѣ и утверждать, какъ это было недавно въ печати, что именно средней школѣ обя-

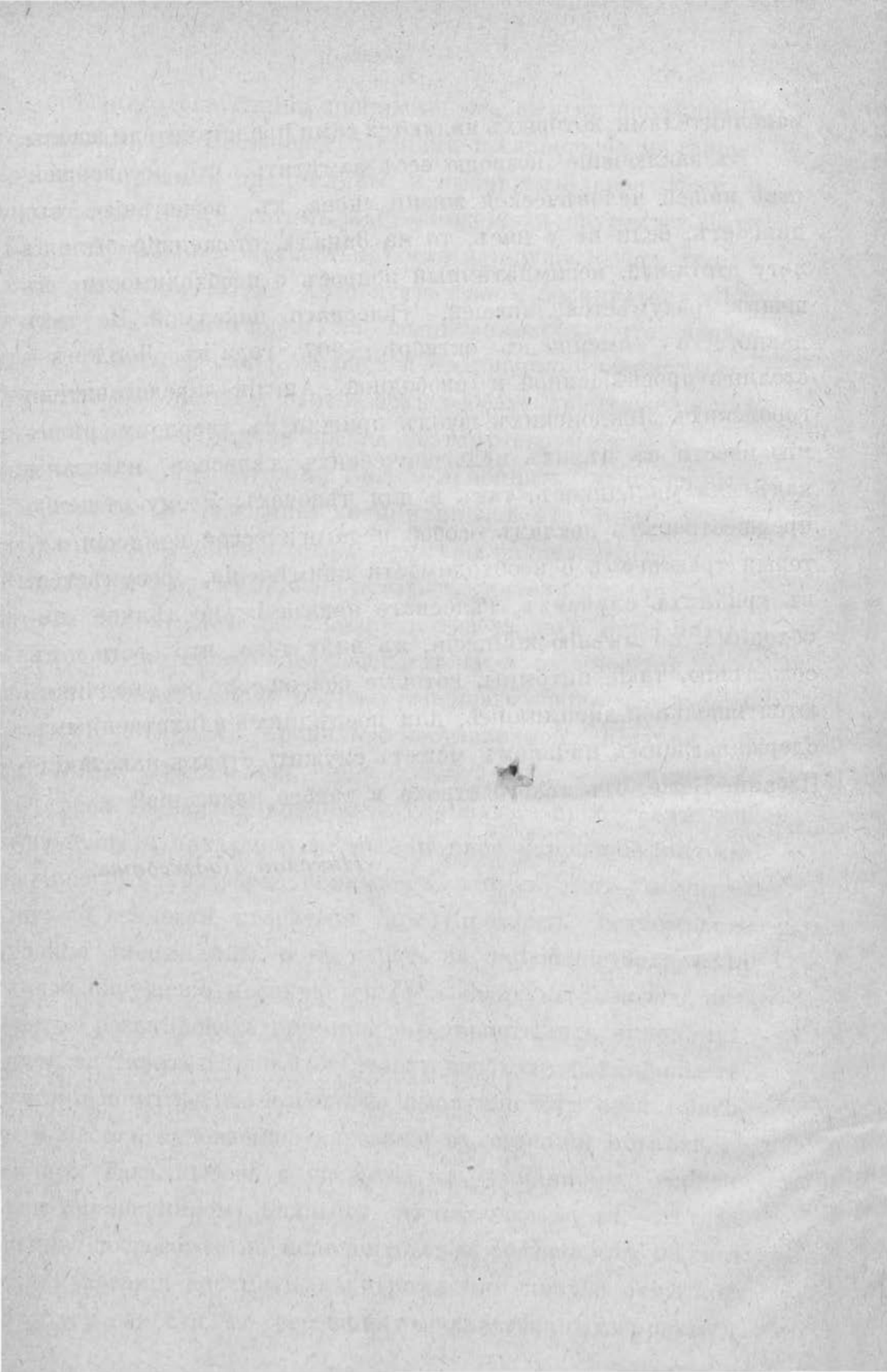
заны университеты и другія высшія учебныя заведенія, разбѣдающей заразой ничего недѣланія, распушенности и жалкаго самомнѣнія. Средняя школа должна смотрѣть, да она и смотритъ на дисциплину такъ же, какъ и семья. Родители, поручая своихъ дѣтей школѣ, въ правѣ требовать отъ послѣдней, чтобы она вела дѣло воспитанія по примѣру хорошей семьи, чтобы школьные руководители и учителя были людьми съ умомъ и сердцемъ, людьми просвѣщенными и опытными, способными не только учить тѣмъ или инымъ наукамъ, но и воспитывать. Конечно, требованія эти не должны игнорировать ту истину, что совершенства на землѣ нѣтъ, и что забота школы о религіозно-нравственномъ, умственномъ и эстетическомъ развитіи врученныхъ ей дѣтей можетъ имѣть нѣкоторыя отклоненія отъ идеала. Не взирая, однако, на послѣднія, дисциплина въ школѣ вполне отвѣчаетъ дѣлу воспитанія. Она, какъ и въ семьѣ, сводится къ послушанію, повиновенію дѣтей воспитателямъ и тѣмъ правиламъ и порядкамъ, которые имѣютъ мѣсто въ школѣ, какъ учрежденіи общественномъ, и безъ которыхъ не можетъ существовать ни одно общество, а тѣмъ болѣе общество незрѣлыхъ еще людей. Въ школѣ, какъ и въ семьѣ, иныхъ правовыхъ отношеній быть не должно. Эти отношенія предполагаютъ, разумѣется, не одинъ внѣшній порядокъ и наружное благочиніе, а и *живую душу человека*. Школьная дисциплина неразрывно связана съ воспитаніемъ и есть необходимое условіе, при которомъ школа только и можетъ съ успѣхомъ стремиться къ своей цѣли. Всѣ требованія свои школа предъявляетъ не во имя сухой, мертвой дисциплины, а во имя той любви, которая, приучая человѣка къ внѣшнему порядку, ведетъ его къ порядку внутреннему, нравственному, дисциплинируетъ его умъ, сердце и волю, облагораживаетъ его, совершенствуетъ. Воспитатель школьный такъ же, какъ и семейный, долженъ быть не холоднымъ блюстителемъ тишины и порядка, не представителемъ „*Караящей Немезиды*“, который ради од-

ного внѣшняго благочинія приносить въ жертву послѣднему естественныя движенія своего сердца и караетъ за малѣйшее нарушеніе правилъ дисциплины, а любящимъ свое дѣло и расположеннымъ къ дѣтямъ наставникомъ и другомъ. Дѣти обладаютъ особенною чуткостью постигать душу любящаго ихъ и свое дѣло воспитателя. Авторитетъ такого воспитателя дѣйствуетъ такъ благотворно на воспитанниковъ, что всякое разумное его требованіе, согласное съ правилами школы, исполняется ими легко и охотно безъ особаго принужденія или угрозъ наказанія. Задача школы, поэтому, сводится не къ принужденію питомцевъ только лишь исполнять отвлеченныя, сухія правила и требованія дисциплины, а къ тому, чтобы давать имъ живые, авторитетные примѣры надлежащаго отношенія къ дѣлу и людямъ. Живой примѣръ учителя и воспитателя, охотно исполняющаго свой долгъ и требующаго отъ питомцевъ такого же исполненія своего долга и повиновенія требованіямъ совѣсти, а не капризу старшаго — вотъ что стоитъ на стражѣ истинной, правильно-поставленной, незаурядной дисциплины! Дѣятельный, справедливый и сердечный наставникъ дѣтей только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ принужденію и наказанію за то или иное нарушеніе дисциплины, ибо онъ прекрасно понимаетъ, что въ дѣлѣ воспитанія нужно всячески стараться предупреждать возможность нарушенія дисциплины, а не карать за нарушеніе зря; если же такое нарушеніе и случается (*безъ этого не бываетъ*), онъ старается разслѣдовать причины его, пристыдить виновника, убѣдить, наставить и лишь въ случаяхъ необходимости наказать. Виновникъ почти всегда безропотно выслушиваетъ свой приговоръ и несетъ положенное наказаніе въ сознаніи справедливости его. Такъ любовь и уваженіе къ гуманному, сердечному и справедливому педагогу воспитываетъ въ дѣтяхъ привычку добросовѣстно исполнять свои обязанности не изъ страха наказанія арестомъ, карцеромъ или плохой отмѣткой, а по долгу совѣсти, по требованіямъ нравственныхъ правилъ,

исполнителями которыхъ являются сами представители школы.

Въ заключеніе позволю себѣ замѣтить, что несовершенство нашей человѣческой жизни снова, къ сожалѣнію, выдвигаетъ, если не у насъ, то на Западѣ, отошедшій было въ лету отсталый, несимпатичный вопросъ о необходимости въ школѣ, разумѣется низшей, тѣлеснаго наказанія. Не такъ давно, а именно въ октябрѣ 1907 года въ Лондонѣ—столицѣ просвѣщенной и свободной Англии—представители городскихъ Лондонскихъ школъ пришли къ твердому рѣшенію ввести въ цѣляхъ педагогическихъ тѣлесное наказаніе какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Этому рѣшенію предшествовалъ докладъ особой педагогической комиссіи, который трактовалъ о необходимости примѣненія, разумѣется, въ крайнихъ случаяхъ, тѣлеснаго наказанія; послѣднее необходимо, по мнѣнію комиссіи, въ виду того, что есть, къ сожалѣнію, такіе питомцы, которые совершенно не подчиняются школьной дисциплинѣ; для послѣднихъ единственнымъ сдерживающимъ началомъ можетъ служить страхъ наказанія. Избави, Боже, отъ такого страха и такого наказанія!!

Николай Коджебашизъ.

5269

ms
200

2011109034